

Пусть всё будет по делу

Ли Чаньюй жил в жилом комплексе для преподавателей Университета Сянгана.

Многоэтажное здание возвышалось на самой границе студенческого городка и делового квартала. Облицованное темно-серыми зеркальными панелями, оно сверкало холодным блеском, сливаясь с окрестными офисными центрами и уходя шпилем в самые облака. Эти строения не казались бы низкими даже спустя двадцать лет.

Будучи профессором с пожизненным контрактом, Ли Чаньюй занимал квартиру на верхнем этаже, откуда открывался лучший вид.

Выйдя из лифта, Цзянь Жочэнь ступил на мягкий ковролин коридора, поглощавший все звуки. Сквозь дымчатое стекло панорамных окон он бросил взгляд вниз. Город расстилался перед ним ковром из мириад огней: переплетение оранжевых и ярко-желтых нитей дорог, вечный поток машин и мерцающая гладь гавани Виктория лежали прямо у его ног. Казалось, стоит лишь протянуть руку — и весь этот мегаполис окажется на ладони.

В этот миг юноша действительно почувствовал себя стоящим на вершине мира. Вглядываясь в частокол высоток и зажатые между ними старые приземистые домики, он кожей ощутил, что находится на изломе эпох. Он не был просто путешественником во времени; он был тем, кто мог менять реальность здесь и сейчас. С его капиталом, превышающим десять миллиардов, он мог бы диктовать условия даже при инвестициях в международные торговые центры.

Даже если сегодня Гуань Инцзюнь не получит желаемого ответа и их пути разойдутся — у Жочэня было достаточно сил, чтобы твердо стоять на ногах.

— Что это за здание? — Жочэнь указал на белоснежную высотку, которая была даже выше их дома.

— Это «Джардин-хаус» в Центральном районе, — Гуань Инцзюнь мельком взглянул в окно, но его взор почти сразу переместился на профиль юноши.

Инспектор замер на мгновение.

— Пойдем... Будет возможность — я отвезу тебя туда, поднимемся наверх.

— Хорошо, — Жочэнь улыбнулся.

Ему было всё равно, пытается ли собеседник найти истину или опровергнуть свои догадки. Он

просто шел следом за инспектором к дверям квартиры профессора Ли, и по его виду невозможно было догадаться, что совсем недавно он в ярости притягивал этого человека к себе за цепь наручников.

Гуань Инцзюнь понимал, что это лишь вежливость. Сейчас, когда они шли плечом к плечу по одному коридору, между ними пролегла невидимая пропасть. Стена пустоты разделила их, и даже мягкий ковер, впитывающий шаги, казалось, лишь подчеркивал это гнетущее молчание.

Инспектор нажал на звонок. Один раз — тишина. Тогда он трижды коротко и резко ударил по кнопке.

Дверь распахнул Ли Чаньюй. Вид у него был помятый: всклокоченные волосы, сползшие набок очки. Профессор нахмурился и недовольно цыкнул.

— Парень, ты чего творишь?

— Крестный, — Гуань Инцзюнь замер у порога. Встретившись взглядом с Ли Чаньюем, он почувствовал, как в горле предательски теплеет. — Мне нужно поговорить с тобой по делу.

Ли Чаньюй опешил.

«Ого, ну и мина... — подумал старик. — И даже назвал "крестным"?»

С тех пор как они закрепили свои отношения официально, инспектор едва ли десять раз обращался к нему так, предпочитая привычное «Дядя Ли». В прошлый раз это случилось, когда парню нужно было уговорить Лэ Цзиньвэня отправить его под прикрытием в Бангкок.

Неужели сновастряслось что-то серьезное? Раздражение профессора, вызванное ночным пробуждением, мгновенно испарилось.

— Заходите, — он отступил, пропуская гостя.

Инцзюнь разулся и прошел внутрь, открывая вид на стоящего за спиной Жочэня. Ли Чаньюй замер.

— Профессор Ли, доброй ночи, — Цзянь Жочэнь застенчиво улыбнулся. — Простите, что беспокоим в такой час.

— Ты тоже по делу? — подозрительно осведомился старик.

— Нет, — юноша покачал рукой. — Это инспектор Гуань настоял.

— Понятно... — Ли Чаньюй достал из обувницы пару новых тапочек. — Проходи.

Профессор наспех привел себя в порядок и заварил кофе. Пять минут спустя он, наконец, уселся напротив них за журнальный столик.

— Выкладывайте. Что стряслось?

Жочэнь взял чашку с горячим напитком и уже собирался сделать глоток, но Гуань Инцзюнь перехватил его руку. Он забрал кофе себе, отдав Жочэню свою чашку.

— Тебе нельзя кофе, врач запретил. Я выпью, — мужчина помедлил и повернулся к Ли Чаньюю: — Дядя Ли, взгляни на этот почерк. Мог ли эти записи оставить один и тот же человек?

На стеклянную поверхность стола легли два клочка бумаги. Ли Чаньюю даже не понадобилась лупа.

— Очевидно, что нет. Разные люди. А что? Наш Сяо Чэнь снова столкнулся с каким-то маньяком?

Он поднялся, налил стакан апельсинового сока и поставил его перед юношей.

— Пей это.

— Спасибо, — Жочэнь отпил немного и произнес: — Профессор Ли, обе эти записи сделал я.

Ли Чаньюй замер.

Он молча достал увеличительное стекло и принялся изучать бумажки. В конце концов он откинулся на спинку дивана, всерьез сомневаясь в собственной профпригодности. Если это писал один человек, то из шести его статей в базе SCI четыре можно было смело выбрасывать, включая одну из первой зоны и три из второй.

Кого он взял в ученики? Гения или живой уничтожитель научных трудов? Если ему придется переписывать работы сейчас, он застрянет за этим занятием с начала 1993 до 1994 года.

— Это два разных человека, — упрямо повторил Ли Чаньюй. — Если только ты не напишешь это снова прямо сейчас.

Жочэнь честно ответил:

— Сейчас я так не напишу.

Он указал на старую бумагу:

— Это я два месяца назад.

Затем перевел палец на свежую запись:

— А это я сейчас. После того как я получил наследство матери, моя жизнь перевернулась. Человек не может вернуться в прошлое, и почерк — тоже.

Ли Чаньюй просветлел.

«Верно, — подумал он. — Почерк действительно меняется вслед за душевным состоянием и жизненными обстоятельствами. Иногда для этого достаточно и двадцати дней. Но... чтобы трансформация была настолько тотальной за такой срок — вижу впервые. Ладно, аргументы железные. Статьи спасены».

— Значит, такие изменения обоснованны? — Гуань Инцзюнь заметно расслабился.

Ли Чаньюй только диву давался. Эта вспышка облегчения в глазах инспектора сбила его с толку.

— Обоснованны, — подтвердил профессор.

Инцзюнь окончательно обмяк.

Жочэнь негромко усмехнулся. Он подался вперед и поставил пустой стакан на стол. Раздался негромкий, сухой стук стекла о стекло. В голове юноши всё еще крутились те моменты с каплями и неправильным приветствием. Нужно было покончить с этим раз и навсегда.

Он перевел взгляд на мужчину, а затем прямо посмотрел в глаза Ли Чаньюю.

— Профессор Ли, раз уж сэр Гуань не решается сказать это вслух, скажу я. Гуань Инцзюнь видит, что я стал другим человеком. Он считает, что студент-медик не может обладать глубокими познаниями в криминальной психологии и чтении микровыражений. Исходя из этого, он... полагает, что я могу быть внедренным агентом под прикрытием.

Инспектор не ожидал такой беспощадной прямоты. Он приоткрыл рот, но так и не нашелся, что возразить. Ли Чаньюй только теперь осознал истинную причину визита.

— Но когда расследовали дело Хо Цзиньцзэ, — продолжал Жочэнь, — у меня брали ДНК. И эти данные полностью совпали с теми, что хранятся в архивах университета с моего поступления. Неужели сейчас уже существуют технологии подмены ДНК?

На дворе стоял 1992 год. На один только тест ДНК уходило трое суток. Подделка была невозможна.

Ли Чаньюй долго молчал.

— Гуань Инцзюнь, за мной! — наконец отрезал он.

Профессор включил телевизор и повернулся к юноше:

— Диски там, на полке. Хочешь кино посмотреть — не стесняйся. А я пойду вправлю ему мозги.

Они ушли в кабинет. Как только дверь закрылась, старик тяжело вздохнул:

— Что ты творишь?

— Пытаюсь докопаться до истины, — Инцзюнь опустил голову. — Если судить по закону, Жочэнь связан и с семьей Цзянь, и с Лу Цянем. Если с ним что-то не так, это нанесет непоправимый удар по всему нашему управлению. Моя работа — исключить любые подозрения. Но если говорить о личном...

Он замялся. Ли Чаньюй принялся мерить комнату шагами.

— Жочэнь сейчас намертво связан с отделом Западного Цзюлуна. Мы в одной лодке. Какой шпион станет так рисковать?

Инцзюнь закрыл глаза и тяжело опустился на диван.

— Если говорить о личном... Кажется, он мне нравится. И я боюсь. Боюсь, что если в нем действительно скрыта угроза, а я буду тянуть время, то в какой-то момент чувства возьмут верх над разумом. И я не смогу поступить по совести.

Если окажется, что Жочэнь виновен, инспектор сомневался, что найдет в себе силы даже увести его в изолятор.

— Вот как?

— Иногда мне кажется, — голос Инцзюня стал совсем тихим, — что он буквально светится

изнутри.

Ли Чаньюй был поражен. Гуань Инцзюнь — и дает слабину?

— Сегодня я даже не смог наставить на него пистолет, — инспектор откинулся на спинку дивана. — Боюсь, если мы продолжим работать вместе, я совершу еще большую глупость.

— Твоя неподкупность и самоконтроль — это прекрасно, — произнес профессор. — Но раньше ты действовал, не оглядываясь на последствия. Жочэнь — не твой подчиненный и не твой подозреваемый. Ты относишься к нему с недоверием — и получаешь закономерный отпор. Действие равно противодействию, это касается и эмоций.

Старик подошел к стеллажу и достал несколько папок.

— Послушай. Если ДНК в порядке, то Жочэнь — это Жочэнь. Других вариантов нет. Но я могу объяснить твои сомнения. Это случаи из практики ФБР, классические примеры.

Несмотря на пижаму, Ли Чаньюй в этот миг снова стал тем великим ученым, чьи лекции собирали тысячи слушателей.

— Как тебе объяснить состояние Жочэня? С точки зрения науки или... чего-то более мистического?

— Есть два варианта? — удивился Инцзюнь.

— С научной точки зрения такая резкая перемена личности называется диссоциативным расстройством идентичности. Пережив крах всей своей прежней жизни, человек подсознательно отвергает старое «я» и выстраивает новую, сильную личность.

Ли Чаньюй соединил указательные пальцы и резко развел их в стороны.

— Эти личности сосуществуют в одном теле, но действуют независимо. Вот, посмотри дело: здесь у пациента было пять разных личностей.

Инцзюнь внимательно вчитывался в документы.

«То есть... он болен? — пронеслось в его голове. — Сколько же на него навалилось? Проблемы со зрением, слабое здоровье, а теперь еще и психика?»

— Обычно так и бывает, — кивнул Ли Чаньюй. — Но есть и другие случаи. В Штатах есть такое понятие как медиумы, некоторые ведьмы могут общаться с мертвыми. Человеческое сознание

и душа — материи тонкие. Возможно, то, что мы считаем вымыслом, реально, просто наука еще не доросла до объяснений.

Инцзюнь слушал затаив дыхание.

— Если говорить проще... Жочэнь мог пережить нечто вроде переселения душ или возвращения в чужом теле. При каждом нашем выборе мир расщепляется, создавая бесконечные ветви параллельных реальностей. И вполне возможно, что наш Жочэнь просто поменялся местами с Жочэнем из другого мира.

Ли Чаньюй добавил с легким американским акцентом:

— Квантовая механика.

Инцзюнь чувствовал себя так, будто его затянул водоворот. От криминалистики — к гаданиям? Он зажмурился и вдруг отвесил себе звонкую пощечину. Было больно. Значит, не сон.

— Если это диссоциативное расстройство, — продолжал Ли Чаньюй, — то при новом сильном стрессе он может снова сменить личность или вернуться к прежней. А если это второй случай... то он может исчезнуть так же внезапно, как и появился.

Инцзюнь судорожно сжал пальцы.

— Сейчас перед нами — прекрасный юноша, но тот, прежний Жочэнь, был другим. Тебе стоит бояться не того, что он преступник, а того, что нынешний Жочэнь может просто испариться.

Офицер резко вскочил. Дыхание его стало рваным, тяжелым. В тишине кабинета эти хриплые вдохи звучали как шум прибоя, разбивающегося о скалы.

Он понял, что был готов к тому, что Жочэнь окажется шпионом. Но он совершенно не был готов к тому, что тот исчезнет.

— Значит, в обоих случаях он может исчезнуть?

— Разумеется, — подтвердил профессор.

Инцзюнь рванулся к двери, выскочил в гостиную и замер.

Жочэнь спал, уютно устроившись на подлокотнике дивана. Он выглядел таким спокойным, будто заранее знал, чем закончится этот разговор. По телевизору шел фильм под названием «Любовник».

Герои на экране предавались страсти; волевой профиль гонконгской звезды был окрашен желанием, пальцы медленно скользили по спине возлюбленной.

Слушая мерное дыхание юноши, инспектор вдруг поймал себя на мысли, что боится его будить. Будет ли проснувшийся Жочэнь тем самым человеком, который так дерзко бросал ему вызов?

Ли Чаньюй покачал головой.

«Самодисциплина — это хорошо. Но Гуань Инцзюнь слишком долго подавлял свою натуру. И теперь, под огромным давлением, пружина лопнула».

— Поговори с ним, — посоветовал профессор. — У него талант к психологии. Пусть он станет твоим первым пациентом.

— А если он не сможет принять меня таким? — Инцзюнь выпрямился.

— Это его право, — пожал плечами Ли. — Ты не можешь это решать за него.

Вдруг тишину пререзал резкий сигнал пейджера.

Бип-бип-бип!

Жочэнь мгновенно подскочил на диване. Еще не до конца проснувшись, он нащупал свой аппарат, но тот молчал.

Инцзюнь выключил телевизор и нажал кнопку воспроизведения на своем устройстве. Из динамика раздался сорванный голос Чжан Синцзуна:

— Сэр Гуань... Западный Цзюлун, Третий район Центрального округа, дом восемьдесят девять... Тут убийство и приготовление тела... Боже, скорее... тут столько ланч-боксов... подозреваемый... бе-е-е...

Запись оборвалась.

Ланч-боксы? Это слово резануло слух Жочэня. Он окончательно пришел в себя.

— Третий район? Это же прямо здесь!

Сказав это, он непроизвольно отодвинулся от Инцзюня чуть дальше. Инспектор почувствовал этот холод и с такой силой сжал пейджер, что пластик жалобно хрустнул.

— Сломаешь, — предостерег Ли Чаньюй.

Мужчина взглянул на ладонь: корпус аппарата перекосило, из щелей вылезли провода. Он отбросил испорченную технику на стол.

Жочэнь поднялся и поправил волосы.

— Ты закончил свою проверку? — он кивнул на сломанный пейджер.

Жочэнь понимал: этот человек верит только тем фактам, которые добыл сам. Именно поэтому юноша позволил ему провести это расследование — слова правды всё равно не имели бы веса. Но вечно так продолжаться не могло.

— Знаешь что, — произнес Жочэнь. — Пусть всё будет по делу.

<http://bllate.org/book/15833/1439836>